

Субъекты РФ в системе «инновационное развитие — качество жизни»: особенности и дисбалансы

Кристина Алексеевна Захарова¹✉, Анастасия Олеговна Лёвкина²,
Наталья Алексеевна Бабурина², Олег Анатольевич Крыжановский³

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

³ Банк России, Москва, Россия

Контакт для переписки: kr.a.zakharova@utmn.ru✉

Аннотация. В статье представлена концептуализация и эмпирическая верификация структурно-динамических паттернов регионального развития в бинарной системе координат «инновационное развитие — качество жизни» посредством аналитической визуализации и картирования пространственно-временных траекторий субъектов РФ для выявления дисфункциональных состояний и обоснования перехода от технократической к человекоцентричной парадигме инновационной политики. В качестве методологической основы использована двумерная матрица развития, построенная на основе медианных значений Российского регионального инновационного индекса (НИУ ВШЭ) и рейтинга качества жизни (РИА «Новости» / Финансовый университет). Выявлены четыре устойчивых типа регионального развития: «сбалансированное лидерство», «социальный дисбаланс» (высокое качество жизни при низкой инновационной активности), «инновационный дисбаланс» (высокая инновационность при низком качестве жизни) и «комплексное отставание». Анализ динамики положения регионов в указанной системе координат показал усиление поляризации: расширение группы лидеров за счет регионов, совершивших переход в первый квадрант, и одновременное увеличение числа субъектов, столкнувшихся с регрессом по обоим показателям. Установлено, что рост инновационного потенциала не всегда сопряжен с улучшением качества жизни, что подтверждает гипотезу о наличии структурных дисбалансов в региональных моделях развития. На основе полученных результатов обоснована необходимость перехода к человекоориентированной инновационной политике, учитывающей социально-

экономические барьеры, демографические и институциональные особенности территорий. Материалы исследования могут быть использованы при разработке дифференцированных стратегий социально-экономического и инновационного развития регионов, а также в практике адресного государственного регулирования.

Ключевые слова: качество жизни, инновационное развитие, Российский региональный инновационный индекс, рейтинг качества жизни, матрица развития, дифференциация регионов, человекоориентированная инновационная политика, региональная стратегия

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Цитирование: Захарова К. А., Лёвкина А. О., Бабурина Н. А., Крыжановский О. А. 2026. Субъекты РФ в системе «инновационное развитие — качество жизни»: особенности и дисбалансы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 265–283. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-265-283>

Поступила 29.05.2026; одобрена 18.06.2026; принята 18.06.2026

Subjects of the Russian Federation in the “Innovative Development — Quality of Life” system: features and imbalances

Kristina A. Zakharova^{1✉}, Anastasia O. Levkina²,
Natalya A. Baburina², Oleg A. Kryzhanovskii³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² University of Tyumen, Tyumen, Russia

³ Bank of Russia, Moscow, Russia

Corresponding author: kr.a.zakharova@utmn.ru ✉

Abstract. The article presents the conceptualization and empirical verification of structural-dynamic patterns of regional development in the binary coordinate system “Innovative Development — Quality of Life” through analytical visualization and mapping of the spatial-temporal trajectories of the constituent entities of the Russian Federation to identify dysfunctional states and justify the transition from a technocratic to a human-centered paradigm of innovation policy. A two-dimensional development matrix, constructed on the basis of the median values of the Russian

Regional Innovation Index (HSE) and the Quality-of-life Rating (RIA Novosti/Financial University), was used as a methodological basis. Four stable types of regional development were identified: “balanced leadership”, “social imbalance” (high quality of life with low innovation activity), “innovation imbalance” (high innovation with low quality of life), and “comprehensive lagging”. An analysis of the dynamics of regional positions within this coordinate system revealed increasing polarization: an expansion of the group of leaders due to regions that have moved into the first quadrant, while the number of regions experiencing regression in both indicators has increased. It was found that increased innovative potential is not always associated with improved quality of life, confirming the hypothesis of structural imbalances in regional development models. Based on the obtained results, the need for a transition to a human-centered innovation policy that takes into account the socioeconomic barriers, demographics, and institutional characteristics of the regions is substantiated. The research findings can be used in the development of differentiated strategies for the socioeconomic and innovative development of regions, as well as in the practice of targeted government regulation.

Keywords: quality of life, innovative development, Russian Regional Innovation Index, Quality-of-life Rating, development matrix, differentiation of regions, human-oriented innovation policy, regional strategy

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of the research supported by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

Citation: Zakharova, K. A., Levkina, A. O., Baburina, N. A., & Kryzhanovskii, O. A. (2026). Subjects of the Russian Federation in the “Innovative Development — Quality of Life” system: Features and imbalances. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 265–283. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-265-283>

Received May 29, 2026; Reviewed Jun. 18, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Влияние инноваций на социально-экономическое благополучие изучается исследователями уже более века, начиная с Шумпетера [Aghion и др., 2009; Grossman, Helpman, 1994; Jones, 1995; Schumpeter, 1936; Segerstrom, 1991; Wong и др., 2005; Zachariadis, 2004]. Исследование инноваций как основной движущей силы экономического роста привело к массовым мировым расходам на НИОКР с 1980-х гг. Однако за научно-технологическим прогрессом не последовал ожидаемый высокий темп экономического роста, тогда как всё сильнее проявлялись проблемы устойчивого развития. Данная ситуация привела к изменению парадигмы изучения инновационной деятельности, обращению к ее смыслу и целям, задающим базовые векторы развития общества [Beaudreau, Lightfoot, 2015]. Так, в рамках концепции устойчивого развития инновации — не столько движущие силы экономического роста, сколько инструменты долгосрочного обеспечения высокого качества жизни

человека, достигаемого в системе целей устойчивого развития общества [Cancino и др., 2018; Dawson, Daniel, 2010; Edwards-Schachter и др., 2012].

Однако взаимосвязь инноваций с качеством жизни не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Технологические инновации оказывают непосредственное влияние на все сферы жизни людей [Ittipanuvat и др., 2014; Jones, 1995; Lee, Trimi, 2018; Li, Riachaud, 2019; Мокуг, 1992]. Прорывы в химии, биологии, информационных технологиях и других областях позволили создать новые лекарства, новое высокотехнологичное оборудование, новые материалы и т. д. Инновации обеспечивают производство новых продуктов и услуг, стимулируют экономический рост и занятость, что может улучшать жизнь людей [Ahlstrom, 2010], но может и создавать новые социально-экономические и экологические проблемы. Исходя из базовых принципов рыночной экономики, инновации в сфере частного бизнеса требуют прежде всего окупаемости инвестиций, т. е. обеспечения конкурентных преимуществ для компаний и прибыли для владельцев. Соответственно, современная экономическая модель [Vitali и др., 2011] не предполагает прямой непосредственной связи целей основных инвесторов инновационных процессов и целей качества жизни людей и устойчивого развития общества. Математически доказана склонность такой модели к финансированию инноваций, способствующих планируемому устареванию товаров и ухудшению их качества, что вынуждает потребителей делать повторные и более частые покупки и повышает ресурсоемкость экономики в целом [Bulow, 1986; Stiglitz, 2012], а также в целом склонность общества к нарастающему потреблению ресурсов [Meadows и др., 1972], несмотря на все усилия государств и отдельных сообществ в реализации программ и проектов в области устойчивого развития [Weizsäcker, Wijkman, 2018]. Такая ситуация актуализирует необходимость переосмысления управлением инновационным развитием общества в целом [Матризаев, 2019; Соловьева, 2018] и региональных моделей управления инновациями в частности [Гурьева, Маценко, 2015; Мерзлякова, Колмыкова, 2019; Субботина, Громова, 2017].

Целью данного исследования является анализ согласованности инновационного развития и качества жизни в субъектах РФ в целом на национальном уровне и анализ региональной дифференциации регионального развития в системе «инновационное развитие — качество жизни».

Методология

Одной из основных методологических проблем данного исследования является выбор метода для анализа синергичной системы «инновационное развитие — качество жизни» со взаимовлияющими связями ее сложносоставных компонентов.

Человеческое и инновационное развитие имеют двусторонние отношения. С одной стороны, человеческая деятельность обеспечивает производство новых знаний и инноваций, причем чем выше качество жизни в обществе, тем благоприятнее условия для развития человеческого потенциала¹, творческой активности и инновационной

¹ Human Development Report 2019: Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today. New York: UNDP, 2019. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 18.06.2026).

деятельности. Ряд исследований обосновывает прямое влияние социального капитала на динамику инновационного развития [Dakhli, Clercq, 2004; Hausken, Moxnes, 2019]. С другой стороны, инновационная экономика в значительной степени обеспечивает человеческое развитие и рост качества жизни. Так, посредством повышения эффективности экономического производства и распределения достигается увеличение богатства и свободы общения и обмена [Soete, 2000].

Показатели инновационного развития и качества жизни также наследуют свойства сложной обратной связи данных феноменов, что отражается в частичном совпадении факторов внутри композитных индексов и, следовательно, неизбежно вызывает эффект мультиколлинеарности при применении эконометрических подходов к анализу системы «качество жизни — инновационное развитие». В частности, такой фактор, как развитие малого и среднего предпринимательства, как правило, присутствует во всех комплексных показателях как инновационного развития, так и качества жизни. Предприниматели в первую очередь используют новые возможности для бизнеса, предлагаемые инновациями, превращая эти возможности в новые продукты, которые могут улучшить жизнь всех граждан и повысить производительность и социальное благополучие [Baumol, Strom, 2007]. Именно предпринимательская инновационная деятельность обеспечивает диверсификацию, рост экономики и занятости, адаптацию к технологическим, природным и иным изменениям [Земцов, 2022], а в итоге — высокое качество жизни нации и повышение национального богатства [Woodside и др., 2016]. Также предпринимательство, являясь инициатором и проводником инновационного развития, оказывает не только непосредственное влияние на экономические, технологические и трудовые аспекты качества жизни, но и косвенное долгосрочное воздействие на институциональные и социальные аспекты качества жизни [Morris, Lewis, 1991]. Одновременно, уровень развития малого и среднего предпринимательства выступает индикатором качества жизни, поскольку отражает степень экономической самостоятельности населения, уровень социальной вовлеченности и устойчивость местных сообществ.

Модели панельных данных (VAR), предварительно рассчитанные нами на основании анализа эмпирических данных по субъектам РФ (различных показателей качества жизни и инновационного развития), позволили подтвердить предположение о том, что фактор инновационного развития, несомненно, является значимым в изменении качества жизни. Однако статистические оценки коэффициентов значимости являются смещенными, что подтвердило теоретические основания отсутствия прямой зависимости между инновационным развитием и качеством жизни и наличие других важных предикторов и факторов, например, таких как целенаправленность инновационной политики и ее согласованность с целями повышения качества жизни. Также возникают проблемы мультиколлинеарности при применении эконометрических и кластерных методов в анализе синергичной системы «качество жизни — инновационное развитие», в которой качество жизни является одновременно стимулом, условием и метациелью инновационного развития.

Учитывая специфику исследуемой системы, в рамках разведывательного исследования мы остановились на методах медианной группировки регионов (матрицы развития).

Второй методологической проблемой исследования является выбор показателей, отражающих феномены качества жизни и инновационного развития с учетом их релевантности целям исследования, а также доступности и наличия данных в разрезе субъектов РФ за достаточно долгий и сопоставимый период времени.

В социально-экономических науках качество жизни выступает многомерной категорией, которая может выражаться через множество индикаторов. Долгое время акцент при определении качества жизни был смещен на уровень жизни, богатство и потребление. Данный подход был поставлен под сомнение А. Сеном, который переосмыслил понятие качества жизни с позиций развития человека, а именно расширения его способностей и возможностей [Sen, 1985]. Идея человеческого развития как расширения выбора людей посредством расширения их человеческих способностей и возможностей легла в основу Доклада о развитии человеческого потенциала (HDR), который с 1990 г. выпускается под эгидой ПРООН и многомерного индикатора — индекса человеческого развития (HDI).

Среди наиболее популярных мультикомпонентных показателей качества жизни, базирующихся на объективных и субъективных методиках их подсчета: Индекс физического качества жизни, PQLI [Morris, 1978]; Ожидаемая продолжительность счастливой жизни, HLE [Veenhoven, 1996]; Индекс экономического благосостояния [Osberg, Sharpe, 2002]; Составные индексы SL и QL [Béranger, Verdier-Chouchane, 2007]; Индекс счастливой планеты (HPI). Однако данные индексы предоставляют информацию только в разрезе стран, поэтому в данном исследовании мы их не рассматриваем.

Среди отечественных индексов качества жизни можно выделить рейтинг качества жизни (РИА «Новости» совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ). Данный рейтинг разделяет общий принцип методики ООН — оценивать благополучие населения не только через ВВП, но и через доступ к возможностям, однако он использует собственную, гораздо более детализированную и локально адаптированную модель, в которой качество жизни понимается шире, чем в ИЧР, и включает инфраструктурные, институциональные и даже восприятие-ориентированные аспекты. Для целей нашего исследования данный рейтинг является наилучшим выбором. Рейтинг публикуется ежегодно, начиная с 2012 г. по настоящее время.

Современные индикаторы, характеризующие инновационное развитие, также разнообразны, многомерны и многокомпонентны. В мировом масштабе общепризнанным индикатором выступает Глобальный Инновационный Индекс (GII), учитывающий инновации на входе и выходе: субиндекс затрат на инновации и субиндекс результатов инноваций. Однако мировые инновационные индексы не предоставляют данных по регионам. Учитывая цели исследования, наиболее релевантным для исследования является российский региональный инновационный индекс (РРИИ), разработанный Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». РРИИ основывается на симбиозе количественных и качественных показателей, составляющих четыре ключевых субиндекса: ИСЭУ — индекс социально-экономических условий инновационной деятельности; ИНТП — индекс научно-технического потенциала; ИИД — индекс инновационной деятельности; ИКИП — индекс качества инновационной политики.

РРИИ обеспечивает полноценный охват основных аспектов регионального инновационного развития. Показатели по данному рейтингу рассчитываются на базе ВШЭ с 2008 г. по настоящее время. Периоды 2018 и 2019 гг. не разделялись по оценкам (имеют одинаковые значения). Отсутствующие показатели РРИИ за 2011, 2016 и 2020 гг. были заполнены посредством наиболее подходящего метода для коротких пропусков в плавных временных рядах — линейной интерполяции на основе среднего.

Таким образом, для анализа был использован российский региональный инновационный индекс (РРИИ), а в качестве индикатора качества жизни — рейтинг качества жизни РИА (РКЖ) в сопоставимый период — с 2012 по 2023 г. Для определения специфики развития субъектов РФ в сложной синергичной системе «инновационное развитие — качество жизни» был применен метод аналитической визуализации в форме двумерной матрицы развития, разделенной на четыре квадранта по медиане РРИИ вдоль оси абсцисс и по медиане РКЖ вдоль оси ординат. На основе данной матрицы было проведено картирование распределения регионов по значениям индексов как в отдельные периоды времени (статический анализ), так и в динамике во всем исследуемом временном периоде (анализ траекторий развития). В частности, динамический анализ позволил увидеть типовые и аномальные тенденции стратегического регионального развития. Все статистические расчеты и матричная визуализация были выполнены с использованием программного обеспечения с открытым исходным кодом Python (лицензия GNU).

Двумерная классификация по медианным значениям, визуализированная в форме матрицы с осями РКЖ и РРИИ, позволила выделить 4 квадранта в системе «инновационное развитие — качество жизни»:

1. Высокий РКЖ и высокий РРИИ (сбалансированное развитие).
2. Низкий РКЖ и высокий РРИИ (инновационный дисбаланс).
3. Высокий РКЖ и низкий РРИИ (социальный дисбаланс).
4. Низкий РКЖ и низкий РРИИ (комплексное отставание).

В рамках данной матрицы были содержательно проанализированы уровни развития субъектов РФ на начало и конец периода, а также проведена оценка траектории их движения.

Таким образом, методология исследования учитывает специфику теоретических проблем изучения развития территорий в рамках системы «инновационное развитие — качество жизни», обеспечивает принцип дифференциации регионов, учет временного измерения, статистическую строгость, снижение риска упрощенной классификации, практическую ориентированность и позволяет решить цели исследования посредством сочетания статистических методов и визуальной аналитики.

Результаты исследования и их обсуждение

Распределение регионов по квадрантам в 2011 г. демонстрирует классическую типологизацию: в первом квадранте сосредоточены регионы-лидеры с высокими показателями как инноваций, так и качества жизни (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Белгородская область); второй квадрант объединяет регионы с высоким качеством

жизни, но умеренным инновационным развитием (ХМАО, ЯНАО, Краснодарский край); третий квадрант включает наименее развитые регионы с низкими показателями по обоим критериям (большинство республик Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока); четвертый квадрант представляет «инновационных аутсайдеров» — регионы с относительно высокими инновационными показателями при низком качестве жизни: Ульяновская область, Камчатский край, Республика Мордовия и др. (см. рис. 1).

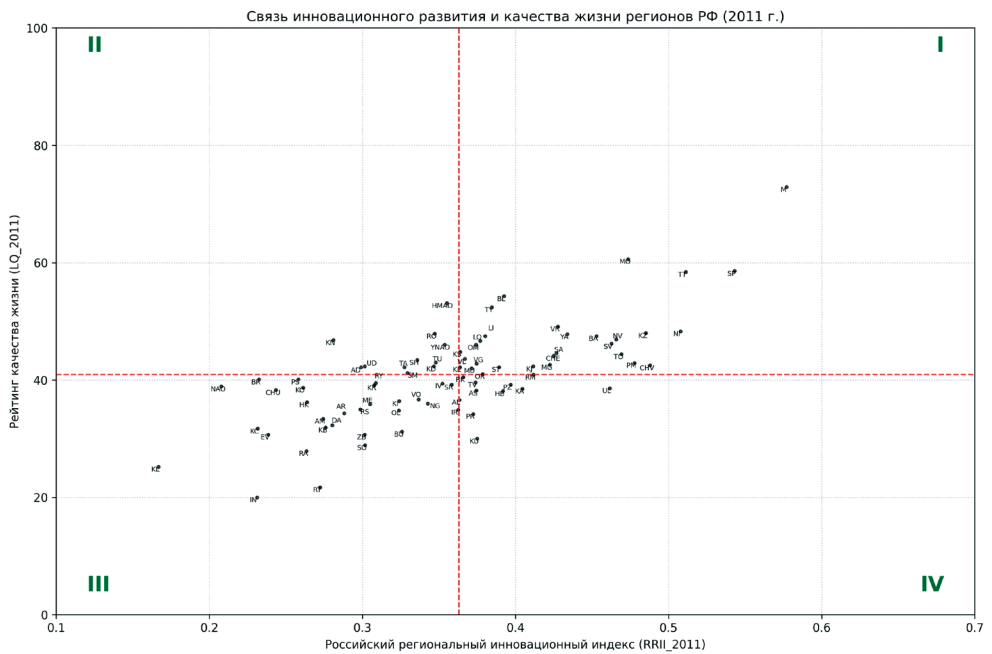

Рис. 1. Матрица развития «инновационное развитие — качество жизни», 2011 г.
Источник: здесь и далее составлено авторами.
Fig. 1. Development Matrix “Innovative Development — Quality of Life”, 2011
Source: compiled by the authors hereinafter.

Распределение регионов по квадрантам в 2023 г. (см. рис. 2) демонстрирует значительную концентрацию развития: первый квадрант расширился до 30 регионов против 19 в 2011 г., включив большинство промышленно развитых субъектов (Москва, СПб., Татарстан, Башкортостан, а также Краснодарский край, Калининградскую и Самарскую области). Второй квадрант сохранил регионы с высоким качеством жизни при умеренных инновациях (Ленинградская область, ХМАО, Адыгея), тогда как третий квадрант значительно сократился и теперь объединяет преимущественно северные, дальневосточные и северокавказские регионы с низкими показателями по обоим критериям. Четвертый квадрант трансформировался в группу «инновационных середняков» с относительно высокими РРИИ при средних показателях качества жизни (Томская, Иркутская, Вологодская области), см. табл. 1.

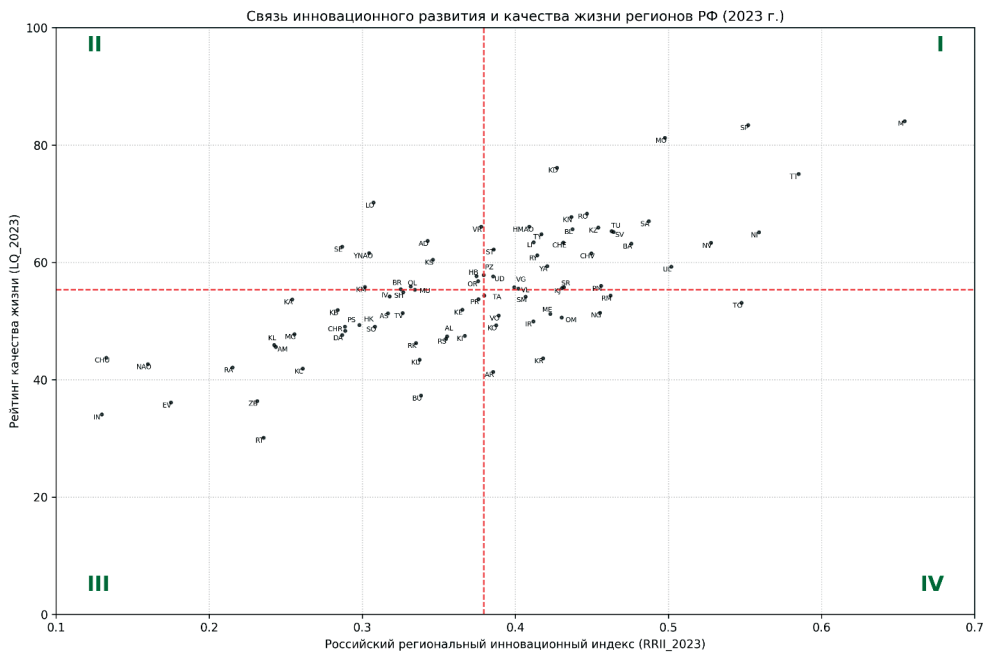

Рис. 2. Матрица развития «инновационное развитие — качество жизни», 2023 г.

Fig. 2. Development Matrix “Innovative Development — Quality of Life”, 2023

Табл. 1. Распределение субъектов РФ в матрице развития

Table 1. Distribution of the subjects of the Russian Federation in the development matrix

Квадрант	2011 г.	2023 г.
1. «Лидеры» — регионы с высокой инновационной активностью и высоким уровнем жизни. Желаемая зона для развития	Кемеровская область, Курская область, Владимирская область, Мурманская область, Омская область, Волгоградская область, Ленинградская область, Оренбургская область, Липецкая область, Тюменская область, Ставропольский край, Белгородская область, Красноярский край, Магаданская область, Челябинская область, Самарская область, Воронежская область, Ярославская область, Республика Башкортостан, Свердловская область, Новосибирская область, Томская область, Московская область, Пермский край, Калужская область, Чувашская Республика, Нижегородская область, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Москва	Удмуртская республика, Ставропольский край, Волгоградская область, Владимирская область, ХМАО, Липецкая область, Рязанская область, Тюменская область, Ярославская область, Краснодарский край, Красноярский край, Челябинская область, Саратовская область, Калининградская область, Белгородская область, Ростовская область, Чувашская Республика, Калужская область, Пермский край, Тульская область, Свердловская область, Республика Башкортостан, Самарская область, Московская область, Ульяновская область, Новосибирская область, Санкт-Петербург, Нижегородская область, Республика Татарстан, Москва

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Квадрант	2011 г.	2023 г.
2. «Благополучные, но не инновационные» — хороший уровень жизни, но слабое инновационное развитие. Риск устойчивости без модернизации	Калининградская область, Республика Адыгея, Удмуртская республика, Тамбовская область, Смоленская область, Сахалинская область, Краснодарский край, Ростовская область, Тульская область, ЯНАО, ХМАО	Севастополь, Республика Крым, ЯНАО, Ленинградская область, Брянская область, Орловская область, Республика Адыгея, Курская область, Хабаровский край, Оренбургская область, Воронежская область, Пензенская область
3. «Отстающие» — низкие показатели и по инновациям, и по качеству жизни. Требуют целенаправленной поддержки	Республика Калмыкия, Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская республика, Брянская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Псковская область, Костромская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва, Амурская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Архангельская область, Республика Саха, Забайкальский край, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Марий Эл, Республика Карелия, Рязанская область, Орловская область, Кировская область, Республика Бурятия, Вологодская область, Новгородская область, Ивановская область, Саратовская область, Иркутская область	Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Забайкальский край, Республика Тыва, Республика Калмыкия, Амурская область, Камчатский край, Магаданская область, Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Псковская область, Чеченская Республика, Республика Хакасия, Республика Северная Осетия-Алания, Астраханская область, Ивановская область, Тверская область, Сахалинская область, Мурманская область, Республика Коми, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Саха, Алтайский край, Кемеровская область, Кировская область, Приморский край
4. «Инновационные, но социально напряженные» — высокая инновационная активность при низком уровне жизни. Возможен «инновационный рывок» без социального эффекта	Алтайский край, Республика Коми, Приморский край, Тверская область, Астраханская область, Курганская область, Хабаровский край, Пензенская область, Камчатский край, Республика Мордовия, Ульяновская область	Тамбовская область, Архангельская область, Костромская область, Вологодская область, Смоленская область, Иркутская область, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Омская область, Новгородская область, Республика Мордовия, Томская область

Кардинальные изменения проявились в массовом переходе регионов в первый квадрант: Краснодарский край переместился из второго квадранта в первый благодаря росту инновационного потенциала; Калининградская область совершила впечатляющий

рывок из второго квадранта в первый за счет значительного улучшения обоих показателей; Ульяновская область перешла из четвертого в первый квадрант, демонстрируя баланс между качеством жизни и инновациями. Подробнее см. табл. 2.

Табл. 2. Динамика регионов в матрице развития за период 2011–2023 гг.
Table 2. Dynamics of the regions in the development matrix for the period 2011–2023

Переход между квадрантами	Регионы
Позитивные переходы:	
2 → 1: Благополучный, но не инновационный → Лидер (рост инноваций при сохранении высокого качества жизни)	Удмуртская республика, Ставропольский край, ХМАО, Краснодарский край, Ростовская область, Нижегородская область, Тульская область
3 → 1: Отстающий → Лидер (наиболее успешный сценарий: рост и инноваций, и качества жизни)	Владимирская область, Саратовская область, Рязанская область
4 → 1: Инновационный, но социально напряжённый → Лидер (улучшение качества жизни при сохранении высокой инновационности)	Ульяновская область
3 → 2: Отстающий → Благополучный, но не инновационный (рост качества жизни, инновации остаются низкими)	Орловская область, Брянская область
Негативные переходы:	
1 → 2: Лидер → Благополучный, но не инновационный (потеря инновационной динамики при сохранении высокого качества жизни)	Ленинградская область, Оренбургская область, Курская область, Воронежская область
2 → 3: Благополучный → Отстающий (падение и качества жизни, и инновационности)	Сахалинская область
2 → 4: Благополучный → Инновационный, но социально напряжённый (рост инноваций, но падение качества жизни)	Смоленская область
4 → 3: Инновационный, но социально напряжённый → Отстающий (потеря инноваций, и качества жизни)	Приморский край, Камчатский край, Алтайский край, Курганская область, Астраханская область, Тверская область, Республика Коми
1 → 3: Лидер → Отстающий (катастрофический регресс: падение по обоим показателям)	Кемеровская область, Мурманская область, Магаданская область
1 → 4: Лидер → Инновационный, но социально напряжённый (сохранение/рост инноваций при падении качества жизни)	Омская область, Томская область
3 → 4: Отстающий → Инновационный, но социально напряжённый (рост инноваций при низком качестве жизни)	Костромская область, Республика Карелия, Иркутская область, Вологодская область, Новгородская область, Архангельская область, Республика Марий Эл
4 → 2: Инновационный, но социально напряжённый → Благополучный, но не инновационный (падение инноваций при росте качества жизни)	Пензенская область, Хабаровский край

Анализ динамики регионального положения субъектов Российской Федерации по двум ключевым измерениям — уровню качества жизни (РКЖ) и региональному индексу инновационного развития (РРИИ) — за период с 2011 по 2023 г. выявляет как устойчивые тенденции, так и существенные структурные сдвиги. Данные свидетельствуют о сохранении ядра «лидеров» — регионов, находящихся в первом квадранте (высокие значения как РКЖ, так и РРИИ) на протяжении всего рассматриваемого периода. К ним относятся Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Новосибирская, Свердловская, Челябинская, Московская области и ряд других. Это указывает на наличие устойчивой институциональной и экономической базы, способной поддерживать высокий уровень социально-экономического развития в долгосрочной перспективе.

Одновременно наблюдается значительная мобильность регионов между квадрантами, что отражает дифференцированные результаты региональной политики. Наиболее позитивную траекторию демонстрируют субъекты, совершившие переход из квадранта 3 (низкие РКЖ и РРИИ) напрямую в квадрант 1. К таким регионам относятся Владимирская, Саратовская и Рязанская области. Их опыт представляет собой редкий, но чрезвычайно ценный сценарий комплексного развития, сочетающего рост инновационной активности с улучшением социальных условий. Другая важная группа — регионы, перешедшие из квадранта 2 (высокий РКЖ, низкий РРИИ) в квадрант 1, включая Удмуртскую Республику, Ставропольский край, ХМАО, Краснодарский и Ростовскую области. Этот переход свидетельствует об успешном наращивании инновационного потенциала на фоне уже достигнутого высокого уровня жизни, что является признаком перехода к более устойчивой и конкурентоспособной модели развития.

Особого внимания заслуживает Ульяновская область, единственная совершившая переход из квадранта 4 (высокий РРИИ, низкий РКЖ) в квадрант 1. Это означает, что региону удалось преодолеть социальное отставание, сохранив при этом высокую инновационную динамику, что является примером сбалансированной региональной стратегии. Дополнительно следует отметить положительную динамику Орловской и Брянской областей, которые переместились из квадранта 3 в квадрант 2, что говорит об улучшении качества жизни, хотя и без значительного роста инновационной активности.

В то же время анализ выявляет и тревожные тенденции. Критически негативным является переход ряда регионов из лидирующего квадранта 1 напрямую в квадрант 3. К таким субъектам относятся Кемеровская, Мурманская и Магаданская области. Такой регресс свидетельствует о системном ослаблении как инновационной, так и социальной составляющих, что требует срочного вмешательства на федеральном уровне. Другой неблагоприятной траекторией является переход из квадранта 1 в квадрант 4, наблюдавшийся в Омской и Томской областях. Несмотря на сохранение (а в случае Томской области — и рост) высокого уровня инновационного развития, эти регионы оказались ниже медианы по качеству жизни, что может указывать на рост внутреннего неравенства или недостаточную конвертацию инновационных достижений в социальные блага.

Кроме того, значительное число регионов, ранее демонстрировавших инновационную активность (квадрант 4 в 2011 г.), к 2023 г. переместились в квадрант 3. Среди них — Приморский, Камчатский и Алтайский края, Курганская, Астраханская, Тверская

области и Республика Коми. Эта траектория, характеризующаяся падением по обоим показателям, свидетельствует о деградации ранее существовавших инновационных ниш и ослаблении социальной инфраструктуры. Параллельно часть бывших лидеров, включая Курскую, Ленинградскую, Оренбургскую и Воронежскую области, потеряли инновационную динамику, переместившись в квадрант 2, что может в долгосрочной перспективе подорвать их конкурентоспособность.

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать и визуализировать пространственно-временную динамику регионального развития России в системе координат «качество жизни — инновационное развитие». Сопоставление данных за 2011 и 2023 гг. выявило устойчивую тенденцию к поляризации: с одной стороны, формируется ядро регионов-лидеров с синхронным ростом инновационного потенциала и уровня жизни, с другой — расширяется группа субъектов, демонстрирующих комплексное отставание или дисбаланс по одному из измерений. Особенно примечательны случаи перехода регионов из квадранта «отстающих» напрямую в группу «лидеров» (Владимирская, Саратовская, Рязанская области), а также успешная трансформация Ульяновской области из зоны «инновационного дисбаланса» в сбалансированное лидерство.

Вместе с тем выявлены и негативные траектории. Так, ряд ранее благополучных регионов (Кемеровская, Мурманская, Магаданская области) переместились в квадрант «комплексного отставания», что свидетельствует о системной деградации их социально-экономической среды. Параллельно в некоторых регионах, сохраняющих высокий уровень инновационной активности (Омская, Томская области), качество жизни оказалось ниже медианы, что указывает на разрыв между технологическим прогрессом и его социальной отдачей.

Полученные результаты опровергают упрощенное представление о прямой связи между инновациями и благополучием населения. Напротив, они подчеркивают необходимость целенаправленного управления инновационным развитием с акцентом на его социальную направленность. Это требует перехода от технократической модели инновационной политики к человекоориентированной парадигме, в которой инновации рассматриваются не как самоцель, а как инструмент достижения устойчивого роста качества жизни.

Методологическим вкладом исследования является апробация и валидация двумерной матрицы развития как инструмента стратегической диагностики региональной политики. Предложенная типология позволяет не только классифицировать текущее положение субъектов, но и отслеживать их траектории, выявляя как успешные практики, так и риски деградации. Вместе с тем ограничения исследования — агрегированный характер индексов, недостаточная репрезентация внутрирегиональной неоднородности и слабая чувствительность к культурно-идентификационным аспектам качества жизни — указывают на необходимость дальнейших исследований на субрегиональном уровне с применением смешанных методов, сочетающих количественные метрики и качественные данные.

Список источников

- Гурьева М. А., Маченко А. В. 2015. Инновационные аспекты устойчивого развития Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 33–35. <https://elibrary.ru/twsgsb>.
- Земцов С. П. 2022. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). 212 с. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11>.
- Матризаев Б. Д. 2019. Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики // Теоретическая экономика. № 6 (54). С. 53–62. <https://elibrary.ru/kmgtor>.
- Мерзлякова Е. А., Колмыкова Т. С. 2019. Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики // Регион: системы, экономика, управление. № 3 (46). С. 104–111. <https://elibrary.ru/ywnkfz>.
- Соловьева С. В. 2018. Инновации в Целях устойчивого развития для России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 10. № 4. С. 50–64. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-4-50-64>.
- Субботина В. Д., Громова В. А. 2017. Инновационные программы как инструмент повышения устойчивого развития экономики региона // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект: мат. VII Международной научно-практической конференции. Т. 2 / под общ. ред. В. Л. Василёнка. СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6337/6337.pdf> (дата обращения: 18.06.2026).
- Aghion P., David P. A., Foray D. 2009. Science, technology and innovation for economic growth: Linking policy research and practice in «STIG Systems» // Research Policy. Vol. 38. No. 4. Pp. 681–693. https://www.researchgate.net/publication/46488937_Science_Technology_and_Innovation_for_Economic_Growth_Linking_Policy_Research_and_Practice_in_STIG_Systems (дата обращения: 18.06.2026).
- Ahlstrom D. 2010. Innovation and growth: How business contributes to society // Academy of Management Perspectives. Vol. 24. No. 3. Pp. 11–24. https://www.researchgate.net/publication/324999507_Innovation_and_Growth_How_Business_Contributes_to_Society (дата обращения: 18.06.2026).
- Baumol W. J., Strom R. J. 2007. Moderator comments entrepreneurship and economic growth // Strategic Entrepreneurship Journal. Vol. 1 (3-4). Pp. 233–237. <https://doi.org/10.1002/sej.26>.
- Beaudreau B. C., Lightfoot H. D. 2015. The physical limits to economic growth by R & D funded innovation // Energy. Vol. 84. Pp. 45–52. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.01.118>.
- Bérenger V., Verdier-Chouchane A. 2007. Multidimensional measures of well-being: Standard of Living and Quality of Life across countries // World Development. Vol. 35 (7). Pp. 1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>.
- Bulow J. 1986. An economic theory of planned obsolescence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 101. No. 4. Pp. 729–750. https://econpapers.repec.org/article/oupqjecon/v_3a101_3ay_3a1986_3ai_3a4_3ap_3a729-749.htm (дата обращения: 18.06.2026).

- Cancino C. A., Le Paz A. I., Ramaprasad A., Syn T. 2018. Technological innovation for sustainable growth: An ontological perspective // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 179. Pp. 31–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.059>.
- Dakhli M., De Clercq D. 2004. Human capital, social capital, and innovation: A multi-country study // *Entrepreneurship and Regional Development*. Vol. 16. No. 2. Pp. 107–128. <https://doi.org/10.1080/08985620410001677835>.
- Dawson P., Daniel L. 2010. Understanding social innovation: A provisional framework // *International Journal of Technology Management*. Vol. 51. No. 1. Pp. 9–21. https://www.researchgate.net/publication/247832667_Understanding_social_innovation_A_provisional_framework (дата обращения: 18.06.2026).
- Edwards-Schachter M. E., Matti C. E., Alcántara E. 2012. Fostering quality of life through social innovation: a living lab methodology study case // *Review of Policy Research*. Vol. 29. No. 6. Pp. 672–692. <https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x>.
- Grossman G. M., Helpman E. 1994. Endogenous innovation in the Theory of Growth // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 8. No. 1. Pp. 23–44. <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.8.1.23> (дата обращения: 18.06.2026).
- Hausken K., Moxnes J. F. 2019. Innovation, Development and National Indices // *Social Indicators Research*. Vol. 141. No. 3. Pp. 1165–1188. https://doi.org/10.1007/s11205-018-1873-8?urlappend=%3Futtm_source%3Dresearchgate.net%26uttm_medium%3Darticle.
- Ittipanuvatt V., Fujita K., Sakata I., Kajikawa Yu. 2014. Finding linkage between technology and social issue: A Literature Based Discovery approach // *Journal of Engineering and Technology Management*. Vol. 32. Pp. 160–184. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2013.05.006>.
- Jones C. I. 1995. R & D-based models of economic growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 103. No. 4. Pp. 759–784. <https://www.jstor.org/stable/2138581> (дата обращения: 18.06.2026).
- Lee S. M., Trimi S. 2018. Innovation for creating a smart future // *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2016.11.001>.
- Li B., Piachaud D. 2019. Technological innovations and social development in Asia // *Journal of Asian Public Policy*. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1546419>.
- Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. 1972. *The Limits to Growth. A Report for THE CLUB OF ROME'S Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books. 211 pp. <https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 18.06.2026).
- Mokyr J. 1992. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York; Oxford: Oxford University Press. 369 pp.
- Morris M. D. 1978. A physical quality of life index // *Urban Ecology*. Vol. 3. No. 3. Pp. 225–240.
- Morris M. H., Lewis P. S. 1991. Entrepreneurship as a significant factor in societal quality of life // *Journal of Business Research*. Vol. 23. No. 1. Pp. 21–36.
- Osberg L., Sharpe A. 2002. An index of economic well-being for selected OECD countries // *Review of Income and Wealth*. Vol. 48 (3). Pp. 291–316. <https://doi.org/10.1111/1475-4991.00056>.
- Schumpeter J. A. 1936. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. [Б. м.]: Harvard University Press. 255 pp.

- Segerstrom P. S. 1991. Innovation, imitation, and economic growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 99. No. 4. Pp. 807–827. <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v99y1991i4p807-27.html> (дата обращения: 18.06.2026).
- Sen A. 1985. *Commodities and Capabilities*. [Б. м.]: North-Holland. 130 pp.
- Soete L. 2000. Towards the digital economy: Scenarios for business // *Telematics and Informatics*. Vol. 17. No. 3. Pp. 199–212. [https://doi.org/10.1016/S0736-5853\(00\)00008-3](https://doi.org/10.1016/S0736-5853(00)00008-3).
- Stiglitz J. E. 2012. The price of inequality: How today's divided society endangers our future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. https://www.pass.va/content/dam/casinapioiv/pass/pdf-volumi/acta/acta_19/es41-stiglitz.pdf.
- Veenhoven R. 1996. Happy life-expectancy: A comprehensive measure of quality-of-life in nations // *Social Indicators Research*. Vol. 39. No. 1. Pp. 1–58.
- Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. 2011. The network of global corporate control // *PLoS One*. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025995>.
- Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. *Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. [Б. м.]: Springer. 234 pp.
- Wong P. K., Ho Y. P., Autio E. 2005. Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data // *Small Business Economics*. Vol. 24. No. 3. Pp. 335–350. <https://doi.org/10.1007/s11187-005-2000-1>.
- Woodside A. G., Bernal P. M., Coduras A. 2016. The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States // *Industrial Marketing Management*. Vol. 53. Pp. 136–159. <http://doi.org/10.1016/j.indmarman.2015.11.003>.
- Zachariadis M. 2004. R&D-induced growth in the OECD? // *Review of Development Economics*. Vol. 8. No. 3. Pp. 423–439. https://www.lsu.edu/business/economics/files/workingpapers/pap01_02.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

References

- Guryeva, M. A., & Matsenko, A. V. (2015). Innovative aspects of sustainable development of the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*, (8). <https://elibrary.ru/twsgsb> [In Russian]
- Zemtsov, S. P. (2022). Technological entrepreneurship as a development factor of Russia. *Journal of the New Economic Association*, (1), 212–223. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11> [In Russian]
- Matrizaev, B. D. (2019). Research of social and technical bases of modern three-polar system of innovation policy. *Theoretical Economics*, (6), 53–62. <https://elibrary.ru/kmgtor> [In Russian]
- Merzlyakova, E. A., & Kolmykova, T. S. (2019). Circular reproduction and environmental innovations in ensuring sustainable growth of the regional economy. *Region: Systems, Economy, Management*, (3), 104–111. <https://elibrary.ru/ywnkfz> [In Russian]
- Solovieva, S. V. (2018). Innovations through Sustainable Development Goals for Russia. *Scientific Research of Faculty of Economics*, 10(4), 50–64. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-4-50-64> [In Russian]

- Subbotina, V. D., & Gromova, V. A. (2017). Innovative programs as a tool to increase sustainable development of the regional economy. In V. L. Vasilenok (ed.), *Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Strategies and Tools for Economic Management: Industry and Regional Aspect"* (vol. 2). St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. Retrieved June 18, 2026, from <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6337/6337.pdf> [In Russian]
- Aghion, P., David, P. A., & Foray, D. (2009). Science, technology and innovation for economic growth: Linking policy research and practice in «STIG Systems». *Research Policy*, 38(4), 681–693. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/46488937_Science_Technology_and_Innovation_for_Economic_Growth_Linking_Policy_Research_and_Practice_in_STIG_Systems
- Ahlstrom, D. (2010). Innovation and growth: How business contributes to society. *Academy of Management Perspectives*, 24(3), 11–24. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/324999507_Innovation_and_Growth_How_Business_Contributes_to_Society
- Baumol, W. J., & Strom, R. J. (2007). Moderator comments entrepreneurship and economic growth. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 1(3-4), 233–237. <https://doi.org/10.1002/sej.26>
- Beaudreau, B. C., & Lightfoot, H. D. (2015). The physical limits to economic growth by R & D funded innovation. *Energy*, 84, 45–52. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.01.118>
- Béranger, V., & Verdier-Chouchane, A. (2007). Multidimensional measures of well-being: Standard of Living and Quality of Life across countries. *World Development*, 35(7), 1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>
- Bulow, J. (1986). An economic theory of planned obsolescence. *Quarterly Journal of Economics*, 101(4), 729–750. Retrieved June 18, 2026, from https://econpapers.repec.org/article/oupqjecon/v_3a101_3ay_3a1986_3ai_3a4_3ap_3a729-749.htm
- Cancino, C. A., Le Paz, A. I., Ramaprasad, A., & Syn, T. (2018). Technological innovation for sustainable growth: An ontological perspective. *Journal of Cleaner Production*, 179, 31–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.059>
- Dakhli, M., & De Clercq, D. (2004). Human capital, social capital, and innovation: A multi-country study. *Entrepreneurship and Regional Development*, 16(2), 107–128. <https://doi.org/10.1080/08985620410001677835>
- Dawson, P., & Daniel, L. (2010). Understanding social innovation: A provisional framework. *International Journal of Technology Management*, 51(1), 9–21. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/247832667_Understanding_social_innovation_A_provisional_framework
- Edwards-Schachter, M. E., Matti, C. E., & Alcántara, E. (2012). Fostering quality of life through social innovation: A living lab methodology study case. *Review of Policy Research*, 29(6), 672–692. <https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x>
- Grossman, G. M., & Helpman, E. (1994). Endogenous innovation in the Theory of Growth. *Journal of Economic Perspectives*, 8(1), 23–44. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.8.1.23>
- Hausken, K., & Moxnes, J. F. (2019). Innovation, development and national indices. *Social Indicators Research*, 141(3), 1165–1188. https://doi.org/10.1007/s11205-018-1873-8?urlappend=%3Futm_source%3Dresearchgate.net%26utm_medium%3Darticle

- Ittipanuvat, V., Fujita, K., Sakata, I., & Kajikawa, Yu. (2014). Finding linkage between technology and social issue: A Literature based discovery approach. *Journal of Engineering and Technology Management*, 32, 160–184. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2013.05.006>
- Jones, C. I. (1995). R & D-based models of economic growth. *Journal of Political Economy*, 103(4), 759–784. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.jstor.org/stable/2138581>
- Lee, S. M., & Trimi, S. (2018). Innovation for creating a smart future. *Journal of Innovation & Knowledge*, 3(1), 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2016.11.001>
- Li, B., & Piachaud, D. (2019). Technological innovations and social development in Asia. *Journal of Asian Public Policy*, 12(1), 1–14. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1546419>
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. W. (1972). *The Limits to Growth. A Report for THE CLUB OF ROME'S Project on the Predicament of Mankind*. Universe Books. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf>
- Mokyr, J. (1992). *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. Oxford University Press.
- Morris, M. D. (1978). A physical quality of life index. *Urban Ecology*, 3(3), 225–240.
- Morris, M. H., & Lewis, P. S. (1991). Entrepreneurship as a significant factor in societal quality of life. *Journal of Business Research*, 23(1), 21–36.
- Osberg, L., & Sharpe, A. (2002). An index of economic well-being for selected OECD countries. *Review of Income and Wealth*, 48(3), 291–316. <https://doi.org/10.1111/1475-4991.00056>
- Schumpeter, J. A. (1936). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Harvard University Press.
- Segerstrom, P. S. (1991). Innovation, imitation, and economic growth. *Journal of Political Economy*, 99(4), 807–827. <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v99y1991i4p807-27.html>
- Sen, A. (1985). *Commodities and Capabilities*. North-Holland.
- Soete, L. (2000). Towards the digital economy: Scenarios for business. *Telematics and Informatics*, 17(3), 199–212. [https://doi.org/10.1016/S0736-5853\(00\)00008-3](https://doi.org/10.1016/S0736-5853(00)00008-3)
- Stiglitz, J. E. (2012). The price of inequality: How today's divided society endangers our future. *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. Retrieved June 18, 2026, from https://www.pass.va/content/dam/casinapioiv/pass/pdf-volumi/acta/acta_19/es41-stiglitz.pdf
- Veenhoven, R. (1996). Happy life-expectancy: A comprehensive measure of quality-of-life in nations. *Social Indicators Research*, 39(1), 1–58.
- Vitali, S., Glattfelder, J. B., & Battiston, S. 2011. The network of global corporate control. *PLoS One*. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025995>
- Weizsäcker, E. U. von, & Wijkman, A. (2018). *Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
- Wong, P. K., Ho, Y. P., & Autio, E. (2005). Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data. *Small Business Economics*, 24(3), 335–350. <https://doi.org/10.1007/s11187-005-2000-1>
- Woodside, A. G., Bernal, P. M., & Coduras, A. (2016). The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise

start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States. *Industrial Marketing Management*, 53, 136–159. <http://doi.org/10.1016/j.indmarman.2015.11.003>

Zachariadis, M. (2004). R&D-induced growth in the OECD? *Review of Development Economics*, 8(3), 423–439. Retrieved June 18, 2026, from https://www.lsu.edu/business/economics/files/workingpapers/pap01_02.pdf

Информация об авторах

Кристина Алексеевна Захарова, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Анастасия Олеговна Лёвкина, кандидат экономических наук, доцент; доцент, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Наталья Алексеевна Бабурина, кандидат экономических наук, доцент; доцент, заместитель директора Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
natalbaburina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

Олег Анатольевич Крыжановский, кандидат экономических наук, Банк России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3670-0063>

Information about the authors

Kristina A. Zakharova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Lead Researcher, Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Anastasia O. Levkina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Natalya A. Baburina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Finance and Economics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
natalbaburina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

Oleg A. Kryzhanovskii, Cand. Sci. (Econ.), Bank of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3670-0063>